

Жозеф Жозеф

6.12.04

фестиваль

ВЖИМАЯСЬ В УГОЛ

«Дневник неизвестного»
Жозефа Наджа
на фестивале NET

Жозеф Надж, автор
и герой моноспектакля
«Дневник неизвестного»,
готовится к самоубийству

Фотограф: Максим Коняев/Газета

Ярослав Седов

Газета - 2004 - 6 экз - с 13.

До сих пор героями спектаклей Жозефа Наджа, модного французского хореографа венгерского происхождения, были странные персонажи, мучительно пытающиеся вырваться из тесных пространств. На сей раз Надж решил рассказать о самом себе.

Впервые Надж пленил московских фанатов театрального авангарда в 2000 году. Тогда он привез спектакль «Полуночники» — странное действо, поставленное по мотивам прозы Франца Кафки. На сцене ожили причудливые фантазмы писателя. Загадочные трансформирующиеся комнаты и двери, вдруг превращающиеся то в окна, то в зеркала. Персонажи, проходящие сквозь стены, замирающие в воздухе параллельно полу, складывающиеся пополам и кантующие друг друга, как манекены. Причудливое пластическое действо напоминало мультфильм, где внешне реалистичные персонажи могут по воле художника вдруг растечься кляксами или стать плоскими. А точнее — представление фокусника.

Всем, кто с тех пор расспрашивал Наджа о побудительных мотивах его творчества, хореограф охотно и подробно рассказывал одно и то же. Что родился он в маленьком венгерском городке Каньяже, население которого отличалось необъяснимой склонностью к суициду (двое из приятелей нашего героя покончили с собой). Что спектакли Надж строит на основе своих воспоминаний, которые пытается облечь в мизансценические решения, и его постановки можно рассматривать как страницы своеобразного дневника. Что Надж с детства любил цирковые представления, которые часто устраивались в Каньяже, и с тех самых пор хотел работать в сходном жанре. Ради этого он занялся изучением живописи у себя на родине, а потом отправился в Париж к самому Марселю Марсо, под руководством которого овладел секретами пантомимы.

Наджу и в самом деле удалось изобрести оригинальный жанр зрелища, балансирую-

щего на грани танца и театра, клоунады и психологических откровений, трагедии и комедии. А точнее — жанр, где все эти древние как мир составляющие смешиваются и перетекают друг в друга, образуя загадочные сюрреалистические композиции. По ходу затейной игры в манипуляциях простейшими театральными ширмами и бытовыми предметами — столами, лампочками, ножами, шляпами — вдруг разверзались бездны пугающих ассоциаций. Этим-то и приво-дили публику в экстаз показанные у нас фильмы «Смерть императора» и «Философы», спектакли «Полуночники», «Время отступления», «Войцек».

Вроде бы в «Дневнике» все то же самое: и воспоминания, и мотивы самоубийства. Ряды ширм, превратившие и без того тесную сцену в лабиринт тупиков и закоулков. Зловещие тени, проступающие сквозь стены. Дрожащие блики, шум дождя. Герой, то боязливо пробирающийся по этим отсекам, то судорожно пляшущий под венгерские фольклорные темы, то бьющийся в конвульсиях или замирающий от ужаса. Многозначительные манипуляции с веревками и веревочками. Кукла, изображающая повешенного. Опасная бритва, которой герой снимает с лица пену, будто примериваясь, как лучше полоснуть себя по горлу. Топор, любовно обернутый бумагой: персонаж с размаху втыкает его в стол, над которым перед тем примеривался, как бы удобнее положить на него голову. Все понятно, музыкально, пластично. Но без тех бесчисленных ассоциаций, впечатлявших ранее. Не жутко, а слегка вымученно. Как сделал бы человек, загнанный в угол. То есть вынужденный вновь и вновь выжимать постановки на востребованную тему.